

Александр Воловик

САМ
СЕБЕ
АВТОР

Стихи

Москва 1996

МОСКВА 2002

ОТ АВТОРА (стихов)

Эта книжечка должна была бы выйти лет десять назад. Ну, в крайнем случае три. Она и была подготовлена (вместе с предисловием) в 1993-1994 гг., но по обстоятельствам, зависящим частично от автора, а частично от «отсутствия наличия», издана не была. За это время успели устареть многие из тех стихов, которые ещё не устарели тогда. У автора же те и другие вызывают воспоминания, близкие к ностальгическим, и он не может отказать себе в удовольствии всё-таки не исключать их из настоящей книжки, состав которой практически не изменился. Общий пардон.

А.В., 7 июля 1996 г.

Александр Воловик
Сам себе автор

©«Авиатехинформ», 1996.

© А.И.Воловик, стихи, обложка, мелкие рисунки. 1996.

© О.Н.Постникова, предисловие. 1993.

© М.А.Агафонов, большие рисунки. 1996.

© ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ВРУЧНУЮ», 2022.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Говорят, если бы Пушкин жил в наше время, то работал бы дворником или истопником, и стихов бы его не печатали. Александр Воловик, кандидат физ.-мат. наук — мастер стиха, о котором теоретик концептуализма Михаил Эпштейн говорил как о полномочном представителе нового поэтического стиля. Ещё недавно, кроме основной работы в Институте экспериментальной и теоретической физики, по несколько часов он сгребал опавшие листья или снег на вверенной ему как дворнику территории детского садика. И вот уже книжку собрал и издал...

Как поэт А.Воловик дебютировал в сборнике «Граждане ночи» (1991., сост. О.Чугай), и был приписан к авангардизму. Опусы его действительно полны приемов, эксплуатируемых стихотворцами этого направления: эксперимент со словом, введение в стиховой словарь технических терминов и блатного жаргона, ироничность, страсть к перевиранию цитат из газет, а то и классики.

Стихи концептуалистов пишутся из амплуа обывателя — «совка», дебила, как бы возникают из примитивного заштампованного сознания. Воловик не чужд такой игре. Его герой — гротесково простодушный интеллигент, бесхитростные излияния которого в застойные годы с неизбежной логикой приводили к антисоветчине, а ныне полны убийственно наивных сентенций о персонажах постсоветского карнавала.

Воловик точно диагностирует психозы общества, в котором живёт. Современный человек, вынужденный носить разные маски дома, на работе или в общественном месте, доведённый до настоящего раздвоения личности — вот объект внимания поэта. Воловик блестяще фиксирует шизофренические состояния соотечественника, который уже не способен на самоидентификацию и «на сто дублёров расчленён»:

Дублёр снимает хату с краю,
дублёр безмолвствует: хитёр,
с моей женой — уж я-то знаю —
живу не я, а каскадёр.

За кажущимся в имитации инфантильно-придурковатой манеры речи концептуализмом кроется подлинная образованность автора, когда дело касается исторической или компьютерно-научной тематики:

Леночка Глинская вышла за Васеньку,
стала ходить при кольце.

Весьма редко, но поэт обнаруживает и свой потенциал лирика.

*В первые годы после отмены кофе
я иногда, по праздникам, нюхал банку
и вспоминал безразвратно прошедшую юность,
активизируя носомоторную память.
Но постепенно таял кофейный запах,
юность казалась чем дальше — более пресной,
более трезвой, легкой, как сновиденье,
и, наконец, безуханная, потерялась.
Всё это шутка. Кофе не пил я сроду.
Банку стеклянную расколотили дети.
И никогда-никогда молодым я не был,
а с седой бородой рождён 50-летним.*

В этом, одном из лучших стихотворений автора, очень точно ухвачена интеллектуальная усталость и безбудущность современника, лишённого не только надежд любви и самовыражения, но и возраста, а теперь ещё и любимого напитка.

Истоки поэтики Воловика — обэриуты, Саша Чёрный, Н.Глазков, иногда чувствуется интонационное влияние А.Галича.

Есть в этой книге стихи, которые показывают, что русская традиционная поэзия является для Воловика не только объектом ёрнических упражнений, но и полноценным образцом («Млат»). В то же время тексты, посвящённые темам литературного творчества, пародийны, смешны и работают на снижение затасканного образа поэта-песнопевца:

*Вот я пишу. А ведь мог бы совсем не писать.
Лев Николаевич были бы мной недовольны.
.....
Лучше б возил по деревне бочонок дерьма.
Всё ж золотарь, не чета дураку графоману.*

*Лучше б паял да лудил. И не те времена,
чтоб за строку поднесли тебе хоть по стакану.*

В стихах Воловика манифестированная авангардизмом эпатажность не сбивается на антигуманизм и чёрный юмор. Вечные духовные ценности для поэта неколебимы. Сарказмы и шутки Воловика до нутра проникают читателя, но заставляют всколыхнуться и его сердце. И хотя

наверху идеологи видные
завершают идей торжество.
а народ, ровно девка на выданье,
кто-то завтра потопчет его?

(оплодотворит или задавит?), хотя перспектива совсем не радужна («вновь в неволе размножимся мы»), по Воловику vitalность народа, органично присущая самому поэту, ещё не исчерпана. Герой А.Воловика знает, что почём в этом мире, ворчит («повсюду смердящие каки»), но не скрывает природного оптимизма, того эротически радостного вкуса в жизни, который нельзя симулировать:

*Мне бы кинуться сквозь трамваи
раскусить твою вкусноту!..*

.....
*Что же ты ухмыляешься, злая,
вызывающе загрузив
мускулистые Гималаи
в заграничный прозрачный лиф!*

Прочтя книгу, современник скажет вслед за автором:

ЖИТЬ ВСЁ-ТАКИ МОЖНО!

Ольга Постникова, 1993 г.

БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР

*** (1990)

Январский вечер, но — почти весна.
Не 90-х, нет! 80-х.
И молодость ещё почти видна,
она как звёзды: светит, да не взять их.
Но молодость ещё почти слышна,
почти что ощутима, точно запах,
который во флакон надёжный заперт
и рвется в щёлку. Но почти — весна.
Вершись, игра, пиши моя контора!
Ещё провала не видать почти,
где пагубные ящики Пандоры
распилят надо мною скрипачи.
Но жуток перечень грядущих дел и бед.
Гляжу: копеечка. А это белый свет.

*** (1993)

Шрифт включает Ё и знак вопроса,
circonflex'ы и accent aigues,
символы W-переноса
и значок, похожий на серьгу*.
Их, конечно, вытерпит бумага.
В сущности, по-честному, — экран...
Впрочем, есть и принтер...
Вот ума бы!

Памяти хотя бы миллиграмм...
Ведь при этом, значит, переносе
(пресловутом) чистится регистр.
В общий нуль идут: партайгеноссе,
бомж, и академик, и министр.
Переменят плоть и вор, и ангел.
Рыцарь нов, но тот же щит его.
Внешний мир один инвариантен:
косное бессмертно вещество.
Жизнь — иное. Суета и смета,
и — экстаз... Короче, это — Я.
Литеры унылая гамета.
Знойная зигота бытия.
И из этих кубиков, как фраза,
vita nova — сладостно горька.
Фабула единственного раза.
Форма прозябания белка.

БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР (1985)

Бездедушечный мастер работает тонко и трезво.
Совершенство в безделке даётся трудом и трудом.
И бренчит в его ранце не маршальский титул маэстро,
а — набор инструментов: палитра, блокнот, метроном.

Бездедушечный мастер совсем не безделками занят.
Он творенье своё для проверки выносит на свет.
Проверяет на глаз: не сверкнёт ли восторга слезами.
Проверяет на слух: зазвенит, или, может быть, нет?

Он собой недоволен и правит в работе изъяны:
то акцент переставит, то охры добавит в сурьму,
то бравурное *forte* заменит на робкое *piano*...
Вот бессмысленный труд! Он и нужен ему одному.

Но гармонию выверив замысла гибким лекалом,
из властителей мира лишь ей подчинён и не чужд,
он свободен смеяться и видеть великое малым,
и общественный скепсис для личных использовать нужд.

И когда он в отделке безделки достигнет предела,
завершив неразменный на зло и добро сувенир —
пусть останется горькое сладким и чёрное белым.
Что он, в сущности, миру, и что ему, в сущности, мир!

Он работу закончил. Дальнейшее, в общем, известно.
Отодвинут блокнот и уложен в футляр метроном.
И, промыв скипидаром палитру, вздыхает маэстро
и торопится к двери — пока не закрыт гастроном.

***** (1991)**

Любитель зелёного и голубого,
любимец небесного, но и земного,
я знать не хочу, из кармана какого
я выну последнее слово,
горсть литер, дремавших дотолё в спецхране.
Для смеху оно, для любви или брани
мног набрано будет на синем экране —
я знать не желаю заране.
Но мне интересно: когда это будет,
заметит ли небо, земля ли осудит,
остудит ли время, узнают ли люди
меня в этом чуде.

И юде.

*** (1994)

но зато — дуэт для скрипки и альты!
Д.Самойлов

Трио для принтера, клавиатуры, экрана,
будучи начато, в общем, достаточно рано,
за полночь выдаст последние такты финала —
два-три листа распечатки, и это немало.

Два-три листа... Но с нуля таки тикает таймер.
Скрыта в программном продукте гармонии тайна.
Пусть эта тайна о частном, своём, не о сущем...
Два-три часа, и последний автобус упущен.

Паника дома. Квартира, как паникадило,
двор освещает и улицы даль, чтобы было
как бы светлее на скользких дорожках фортуны...
Но — для экрана! для принтера! клавиатуры!..

ПОХВАЛА АЛФАВИТУ (1991)

Из тех же самых тридцати трёх
как стих бы воспроизвести — трёп.
И мне бы сказочку, и вам речь...
А не покажется роман — сжечь!
Какая скука — лексикон стен!
Летите, рукописи, в сон, тлен.
Летите ввысь под гром литавр од,
печатный лист, абракадабр код.
Волхвов наитье — прототип строф...
Но сдохни, принтер, линотип: стоп!
Перед порогом в нашу даль лет —
ни иероглифов, ни альф, бет...
Гермес. Слетает с язычка текст:

«ЛЕЧУ ДАНАЕ ТЧК ЗЕВС».

Баян, на каторгу струны сев —
как индикатор старины, сед.
Греми, симфония! Перун — в Стикс¹!
Кирилл с Мефодием. Перо. Кисть.
Тревожно лидерам, но скор срок —
грузиться литерам в набор строк!
Стихотворение. Вина — чья?
Бежит волнение от А к Я.
Что — вдохновение! — В висках кровь...
И — тем не менее — каскад строф.

¹ здесь: Днепр etc.

МОИ ОСЬМИНОГИ (1988)

Жил бы от получки до получки,
всё менял бы трешки на гроши.
Но — головоногие моллюски
завелись в извилинах души.
Две ноги по нашим меркам — малость.
Устоять — ни-ни!... И потому —
столько осьминогов присосалось
к радости и страху, и уму.
Я листал бы вяло жизни книгу
мимо треволнений и тревог,
если бы не складывался в фигу
самый мой карманный осьминог.
Да к тому ж они полны чернила,
брызжутся... То кляксы, то слова...
Ихний слог недавно похвалила
лично Каракатица сама!
Только главный спрут — любви и секса —
весь в подкорку вкопан, и — не зря.
Он — уродец: в нём для крови сердце
вместо — для чернила — пузырь!
Посреди собратьев говорливых,
хитренький, себе он на уме...
Вот и я поэтому не лирик,
а большой любитель — в буриме.

МУЗЫКА (1985)

Дело, кажется, швах, лопнет кожица в швах барабана,
До удавит валторну, органом взревет клавикорд,
и басовым ключом отомкнёт багинеты охрана,
и маэстро рванёт из оркестра и скроется, чёрт!

И сиятельный Бах развернёт оскорблённые брови,
и смахнёт незаметно на лацкан скупую бемоль,
и кровавый взорвётся аккорд у сопрано в утробе...
Рухнет замертво мир, поражён глухотой, как бельмом.

И умрут контрапункты, навязшая в клавишах жвачка...
Изумрудом и охрой мазнёт нас огня помело...
Мы летим под уклон, нас летально нуклон перепачкал,
и летает не клёвый пришелец, а чёрт в НЛО.

Вот он реет над нами, флюидами праха пропитан,
мастер магии мрачной и злой виртуоз похорон.
Выстриг фрачные фалды, хвостом опрокинул пюпитр
и, летя, улюлюкает в переносной какофон!

Мы уплатим налог на молитвы и сладкие звуки:
дискжокей, гогоча, заколотит нам в лоб децибел.
вивисекция лебеда — благо для гитик науки:
как сулил постулат — он не сдох, пока не досипел

К пароксизму прогресса поспели смертельные споры.
С ними споры безумны: они уже тут, на губах.
В темноте вместо нас расцветают рябые узоры —
сглазил чёрный маэстро, и дело действительно швах.

*** (1975)

Поэзия — это шкаф.

Д.И. Хармс

Он приходил домой, певец абсурда,
постель из слов стелил он на полу
и камни многозначные лежали
ничком на перевёрнутой строфе.
А у него в окне светило блюдо,
и шкаф скрипел на рельсах голубых,
и пудель тёр хорошенькую морду
о розовый кирпичный абажур.
Курил он кошку, серую как трубку,
как воздух — из окошка выходил.
Но ночь над Невским серая стояла,
где был когда-то Пушкин. И — убит.

ИЗ ПЕПЛА (1988)

Вот если был бы малость помоложе я,
свисталось мне б, как чижику весной.
И как легко мне было б имя божие
тревожить все буквой прописною!
И у меня в начале были б возгласы.
И я б лупил по ласточкам из пушек...
Но скептицизм умеренного возраста
душе не оставляет побрякушек.
Мне нет с небес блатного вдохновения,
и грош души не заложил я в пекле...
Бессмертные мои произведения
из лично моего восстанут пепла!

В МЕТРО (1985)

Кто скачет, кто мчится, а кто — на метро,
и в недрах читальных вагона,
портфель упирая соседу в ребро,
листает Дюма и Дрюона.

Гремит кольцевая что твой циклотрон,
травмируя органы слуха,
и буква протоном пронзает вагон
с космической скоростью духа.

А мне — в непомерной гордыне моей —
и книжек читать неохота,
я сам себе автор: Щедрин и Мольер,
сам Дант и за Вальтера Скотта.

Я делаю сам и сюжет, и мотив,
и, как подобает Поэту,
я, лично священную жертву забив,
зову Аполлона к ответу.

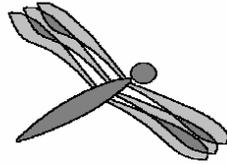
Леплю в подземелье слова на слова,
осталось расставить акценты.

Закончу — и сразу мне всё — трын-трава:
ведь я не нуждаюсь в оценке!

Я сам высший суд! Из туннеля на свет
лечу как на крыльях — не хуже!

И ликуя, ответ мне поет Мусагет,
а мне он — и на фиг не нужен!

ПРОРОК (1988)

Ко мне подходит как-то раз
один у светофора,
и ну руками тыкать в глаз,
мол, виждь... и всё такое.
За ухо дёрнул, идиот,
аж содрогнулось нёбо.
Впихнуть хотел чего-то в рот,
наверное, микроба.
Отрежу, говорит, язык,
гадючье вставлю жало
и уголь — в нутро...
Да это ж псих!
Мне психа не хватало...
Я громко крикнул: «Караул!
Садизм! За что боролись!!» —
следя, чтоб он углём не ткнул
в мою брюшную полость.
Ну, тут он сразу перестал
и сгинул за домами.
И вдруг — вдали затрепетал
стрекозьими крылами...
А я с тех пор строчу стишки.
Занятое непустое —
жечь воспалённые кишки
чернильной кислотой.

ПАМЯТНИК (1985)

Exegi monumentum...

Когда, локтём круша цивилизацию,
я насмерть вжат в автобус, в самый пик,
то чувствую, что ближе стал к Горацию,
точней, к тому, чего он там воздвиг.
Что ж мне — за обелиски что ли прятаться!
Для пантеона я созрел почти.
Вот мой проект: вишу под 30°,
в руке пятак и в воздухе очки.
Вокруг, как подобает, предстоящие —
скопление сумок, туловищ и шей —
и выставка красивых, как по ящику,
отечественных в том числе вещей.
Глядел бы век — вздохнуть бы мне сподобиться...
Гораций! Вам бы жить при НТР!..
Гораздо те мудрей, кто вне автобуса,
владельцы «Мерседесов», например.
Как жаль — меня когда-то не заметили,
а то и мне бы в «Жигуле» — лафа!
Ведь я ж не хуже их, и междометием,
даст бог, не зарастёт моя строфа!
Но мне бензином их не оскоромиться...
Вишу — не отоваренный фирмой,
и истекает чей-то фарш сукровицей
на монумент нерукотворный мой...
Пусть мудрецы вершат свои деяния,
мне не до них: и у меня — дела.
Да мне и изваянье — подаяние,
и уж подавно — не до барахла...
Но есть такие вещи, друг Горацио,
какие — ты, конечно знаешь сам,
которые всё снятся нам и снятся нам,
всё снятся нам и снятся, мудрецам.

*** (1990)

*Коли можешь не писать — не пиши.
якобы Л.Н. Толстой*

Вот я пишу. А ведь мог бы совсем не писать.
Лев Николаевич были бы мной недовольны.
Лучше пахал бы, мозолисто сжав рукоять.
Лучше тянул бы баржу вдоль по матушке Волге.

Лучше вертел бы баранку да шашни крутил.
Строил бы хлев и дитёнку строгал бы баклушки.
Что ж тебя тянут потоки сгущённых чернил?
Рифмы какие-то... Ты не срамился бы лучше.

Лучше б возил по деревне бочонок дерьма.
Всё ж золотарь, не чета дураку графоману.
Лучше б паял да лудил. И не те времена,
чтоб за строку поднесли тебе хоть по стакану.

Лучше бы в вольном эфире шукал Би-би-си,
в век перестройки держал бы кармашек пошире.
А амфибрахии к каждому просятся в стих.
Пусть обождут: невпротык положение в мире.

Вот, как подумал бы Лев Николаич Толстой,
если б узнал, что пишу я, а мог не писать бы.
Непротивленец был граф. А огрел бы сохой —
не зажило б и до самой серебряной свадьбы.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИРОПАТОЛОГИИ (1987)

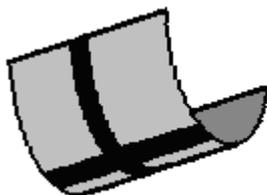
Лирический стих воплощает душевную боль
и, стало быть, служит симптомом душевной болезни.
Пожалуйста, лирик, к врачу обратиться изволь.
Гляди, из души у тебя уже чирьи полезли!

Но целый консилиум будет сметён помелом
коварной бациллы, хоть предан по гроб Гиппократу.
И вот: извергают верлибры проктолог и ЛОР,
жует логопед амфибрахия трудную вату,

и всё раздраженной поводит плечом терапевт,
готов хирургическим ножиком чикнуть уролог,
юродивой ниточкой тик посылает привет
врачу психиатру...

Но рёв бормашины недолог,

и нерв удалён воспалённый, и вроде, тип-топ.
Кейфует душа, в постирушечный пар окунувшись.
Лирический стих побеждён, как последний тевтон,
чтоб больше не смел наводить на окрестности ужас.

ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК

♥ ♥ ♥ (1984)

Марине

Птица голубь на фоне помойки,
в клюве ветка, в руке карандаш,
в небеса не взлетая нисколько,
я клюю то, что дашь.
Я всё время фатально впадаю
в э-ле-ги-чес-кий, кажется, тон...
Я воркую, топчусь, унываю
и не знаю, что будет потом.

КОФЕЙНЫЙ АРОМАТ (1986)

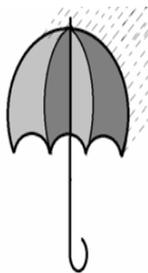
В первые годы после отмены кофе
я иногда, по праздникам, нюхал банку
и вспоминал безразвратно прошедшую юность,
активизируя носомоторную память.
Но постепенно таял кофейный запах,
юность казалась чем дальше — более пресной,
более трезвой, лёгкой, как сновиденье,
и, наконец, безуханная, потерялась.
Всё это шутка. Кофе не пил я сроду.
Банку стеклянную расколотили дети.
И никогда-никогда молодым я не был,
а с седой бородой рождён 50-летним.

ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК (1988)

Когда мутный дождичек загоняет в подъезды
редких, как из Красной книги, могижан,
остаётся на улице один — облезлый,
никудышний, дурно пахнувший старикан.
Ему свищет милиция, а он, как заяц:
чмокнет полуботинками и — наутёк.
Чего ему неймётся? Одолела к парочкам зависть?
Так ведь они же смылись, или он не усёк?..

Нет, старикова пара с ним пролетает рядом
В штапельной миниюбке с клёвым таким бантом.
Памятный Шестигранник реет над бедным садом,
архитектурный призрак, молодости фантом.
Небо зазря шуршало, корчилося и ловчило:
что старичку циклона ватная карусель!
всё перед ним кружится — гипсовая пловчиха,
пёстрые фейерверки, мятная карамель!

Здесь, за горбом эстрады, дед младым шалопаем
лихо шастал кустами, будя ошалелых ворон,
и пыл его в молодости был так же неисчерпаем,
как в известном атоме — электрон.
Это он после сдал, хотя в нём и дремлет
прошрое, просыпаясь иногда на беду.
— Дедушка! Обождите меня! Я — Ваш преемник.
Можно — до остановки с Вами дойду?

НЕОБЪЯСНИМАЯ ДУША (1981)

У менестреля и министра, у атташе и алкаша
звенит, как нимб и как монисто, необъяснимая душа.

Она летает и бушует, подобна плазме и огню,
и ощущает душу жулик, и партгруппорг, и инженерю.

Крестьянин, в сумрачном навозе копясь кончиками вил...
И за бойцом летит в обозе душа на паре хрупких крыл.

Интеллигент страны Советов и соль земли — рабочий класс,
ужель идеализма ветошь — душа — гнездится тоже в вас??..

Ужели гид нематериальный вас вводит в радость и тоску?
То — как джигит — в сальто-мортале коня меняет на скаку?..

*** (1984)

Ешьте суп: это ваше занятие.

Д.Хармс

Голос вопиющего в пустыне
голосит отнюдь не на латыни,
не на итальянском диалекте,
не на фене римского двора.
Что же вы, тетери и разини,
внемлете орущему в пустыне?
Лучше ваши кошельки проверьте.
Всё на месте? Значит, прочь пора.
Ваше место — дома, в магазине,
чьё в метро, а чьё и в лимузине.
А ему желайте легкой смерти:
вряд ли он дотянет до утра.

ГАММА (1976)

Когда тигрёнок ест ребёнка,
мы возмущаемся: злодей!
Когда ребёнок ест цыплёнка,
нам это много веселей.
Когда цыплёнок ест букашку,
мы тоже рады, но не так.
Когда букашка ест ромашку,
нам за ромашку жаль пятак.
Когда пятак навек потерян,
мы огорчаемся слегка,
но непоколебимо верим
в существованье пятака!

ДУБЛЁРЫ (1984)

Легко охватывать детально весь мир, живя по сто времён!
И вот я экспериментально на сто дублёров расчленён.

Дублёр шевелит левым ухом; два догрызают карандаш:
один из них рифмует сухо, зато другой впадает в раж.

Дублёр снимает хату с краю; дублёр безмолвствует: хитёр.
С моей женой — уж я-то знаю! — живу не я, а каскадёр.

Вот мы, дублёры по квартире, перекликаемся, жужжа,
как будто мы — сорок четыре обериутские чижа.

Но наше поприще опасно, ни дня нам не прожить без ссор:
Один дублёр воскликнул: «Ясно!» —
«Туман!» — сказал другой дублёр.

И завязалась потасовка, и без труда в один момент
дублёр дублёру рушит ловко его опорный аргумент.

Мы все дерёмся на-отлично: вот нет уже дублёров двух,
и распадаюсь я как личность: направо прах, налево дух.

Рефлексы все из строя вышли, сгустились сантименты в стресс...
Не существую даже мысля: утратил к пище интерес!..

Дублёров бешеная свора меня живьём загонит в ад,
дублёр дублёру не опора, не друг-товарищ и не брат.

Пора уволить всю команду: эксперимент зашел в тупик...
Но кто из нас подаст команду? Кто — настоящий Воловик??..

*** (1988)

Катастрофически быстро старею.
Одышка, отрыжка, боли.
Интересы стремятся к нулю.
Безразлично: русские или евреи,
мегаполис или чистое поле.
Ничего не хочу и почти никого не люблю.

Неинтересно писать диссертацию.
Постоянно хочется есть или спать.
Был бы враг — всё бы простил и врагу.
Черепушка оголилась почти что нацело.
Зубцами железными лязгает пасть.
Даже ритм стихотворный выдержать не могу.

Зрение тоже и музыкальный слух...
Я так и не выучил ноты!..
Запинается устная и печатная речь.
Ещё считаю, но уже только до двух,
дальше одолевает дремота.
Пенсию! Пенсию бы и лечь.

КНИГА ЧУДЕС (1991)

Нежностью книжника тронута книга чудес.
Благоухают страницы корицей и сдобой.
Но перечтём не о хлебе, насушенном днесь,
не о текущих лепешках, отравленных содой.
Нет! О рокфоре, светящемся сизой слезой,
об уставном соответствии специй посолу...
Празднично брызнет рассыпчатой пеной Праздрой,
и кордамон, салютуя, зависнет над Псоу.
Срам осетрам, прозябающим в сонном садке!
Жги им глаза, отражённая жуть мельхиора!
И трюфелям: не являются ни перед кем
из-под земли, а уже угождают обжорам...
Странно совку в непредвиденном мире сладстей,
трудно жевать сочетания букв — постигая
силу филея, полезность травы сельдерей,
возгласы устриц, ранимую плоть расстегая...
Проще усвоить: от сердца поможет коньяк,
чем приготовить уроки: как жрать артишоки...
Вот кон-соме, про-фит-роли... А вот, на полях
почерком ржавым проставлены цены эпохи...
Славлю поваренный текст за его прямоту,
за лапидарность советов хозяйкам нездешним.
Хочется печь и варить. И дарить животу
сладкую жизнь.

Но в разумных пределах, конечно.

СТАНСЫ РОБИНЗОНУ (1990)

По следам людоедского полдника, мистер Крузо,
поступает закат в Ваше веденье до восхода.
Нимфу можете выбрать, а если неймётся — музу
и плодить соответственно — гимн, серенаду, оду...

Мне ведь тоже дано — хоть в автобусе — уединенье
Или в кухне безмолвной, один на один с минтаем...
Что — Свобода? Она — одиночество, или — деньги?
— Нет ответа. Поскольку мир — не обитаем.

Дорогой Робинзон! Позвольте представиться. С Вами
говорит одиночка, к сему не причастный миру.
Я витаю, как Вы, в треугольном моём вигваме,
собираю крушений нетленные сувениры.

Простота воровства, звуковой набор деклараций...
Кособокою рифмой намазан сюжет на образ —
и на клетчатый фон нанесён мой стишок дурацкий,
и какой Аполлон внушил его мне, раздобрясь!

А каков Аполлон, такова и его Эвтерпа.
Таковы и иные — дриады, друиды, духи...
Мне бы только успеть проорать, не сбивая темпа,
что-нибудь посмешней из кромешной моей чернухи.

Мне бы только покрыться пупырышками озноба,
мне бы в гавани спрятаться, не поднимая флагов...
А лавровые венки пусть разбирают снобы
на каких-нибудь их коллективных архипелагах.

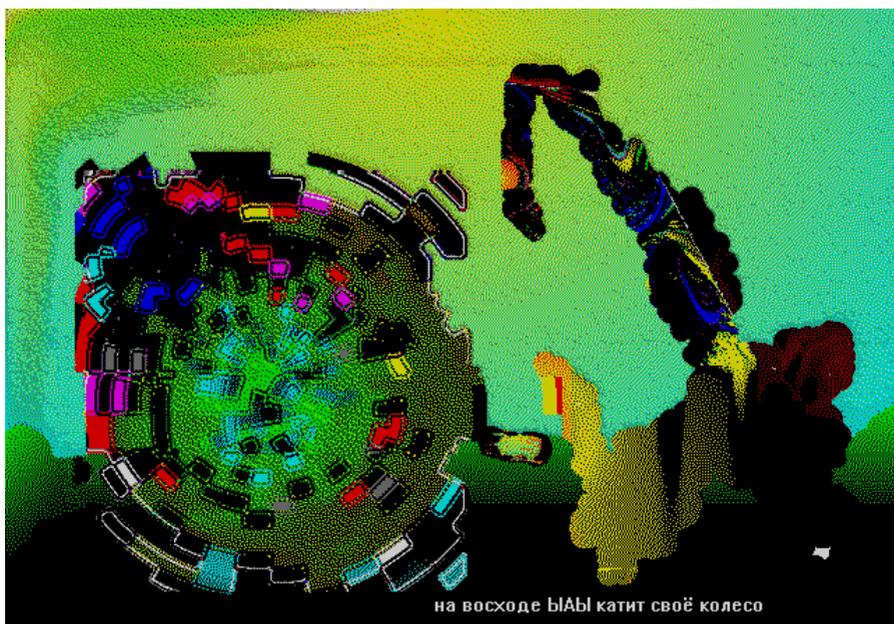
УЛИЧНОЕ (1991)

Разноцветного фонарика принимали в светофоры.
Обещал он всем торжественно не мигать по пустякам.
Познакомился с напарником, через улицу который,
и включил свои прожекторы — взад-вперёд и по бокам.

Он очами глянул яркими на две улицы и площадь
и трёхцветною палитрою мазанул поверх столбов.
Непонятно птицы каркали (хоть чего, казалось, проще б!)
Проходя, девчонка всхлипнула (неужели про любовь?!)

Своевременно и вежливо он мигнул, как бы для пробы,
и слегка поёрзал винтиком по резьбе, где перекося.
А на красный к неизбежному шли две юные особы.
А зелёный жук (провинция!) на зелёный переполз.

Но события стремительно развивались и крепчали,
хоть ещё непоправимое не обрушилось — пока
возвращавшиеся с митинга что-то скверное кричали
и пока ещё не вырулил автозак из тупика.

*** (1981)

Но в конечном итоге мир совсем не таков.
Видно, заняты боги обжиганьем горшков.

Видно, белое с красным, начиная от роз,
поднимали напрасный, неназревший вопрос.

Видно, довод невеский вёл на брань и погром
то шеломы, то фески, каски, шляпы с пером...

В неподдельной тревоге вопрошаю богов:
— Расскажите мне, боги, мир — зачем? и — каков?..

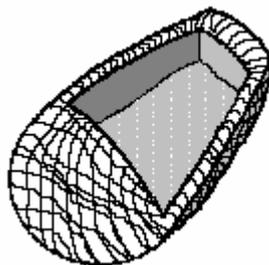
Ветер флаги колышет. Красит солнце штыки.
Только боги не слышат, обжигают горшки.

НОГА ЧЕЛОВЕКА (1985)

Уже ни белого света, ни белых пятен.
Лицо и тело Вселенной — сизый синяк.
Ария света спета и всем понятен
всякий его закоулок, вздох, знак.
Гадко пищит козырных позывных утёнок.
Начинается с виселиц, как театр, Прогресс.
Трели, дыханье — весь реквизит потёмок —
реквизированы заревами АЭС.
Марсиане ловят прогноз погоды:
Нерушим и свободен стихий союз.
А там — по известным дорожкам — паучки-луноходы...
стукачи-скороходы... говнодавы *russes*.
И вот, своего не достойная века,
мысль исподняя в стоперстой кишке живет.

Такая:

ЖИТЬ ВСЁ-ТАКИ МОЖНО,
ПОКА НОГА ЧЕЛОВЕКА
ЕЩЁ НЕ СТУПАЛА
НА МОЙ ЖИВОТ.

ЧТО ДЕЛАТЬ? (1984)

Эразм! Агриппа! Франциск Ассизский!

Пожалуйста, научите меня азам.

Что важнее: лептонов летящих писки,
или списки любовные фамилий дам?

Счастье — это что же: звериный оргазм?

Или, может, счастье — вещизм мещанства?

И нельзя ли обоих их спарить разом,
как, к примеру, время с этим... с пространством?

Скажите, первичнее — ТО или — СЁ?

Или — что-то третье?..

Вот рече Иннокентий Пятый
всё выступал: «Ребята! бросьте вы это всё!
Не берите в голову, ей-Богу! Выпьем, ребята!..»

Или всё-таки прав был бедный сэр Исаак,
не застанный с прислугою ни на пленэре, ни дома,
который понимал, что **это** — вредный пустяк,
а счастье выражается через коэффициенты бинома?..

Человек ведь смертен, подвержен заразам,

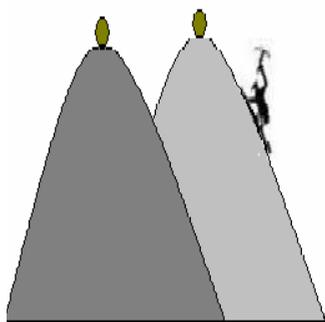
зарезан может быть — в любое мгновение!

Так чего же делать, достопочтенный маэстро Эразм
Ваше с коллегами какво будет высокоучёное мнение?

$$(a+b)^n = \sum_{i=1}^n (C_n^{n-i} a^{n-i} b^i)$$

РАЗНУЗДАННЫЕ СТИХИ (1984)

Тебя солнышко освещает
в час полуденный со спины.
Под невидимыми вещами
твои нежные части видны.
Там, где лозунг, что люди братья,
на фальшивом висит щите,
ты, как факел, горишь из платья
офигительным декольте!
Видно то, что обычно не видно.
Удивительный феномен:
мне бы мухой влипнуть в повидло
или шхуной вломиться в мель!
Мне бы кинуться сквозь трамвай
раскусить твою вкусноту!..
— Что ж я, можно сказать, зеваю
и приличия чту!
Ты подобна продукта грамму,
дорогому, как дефицит.
В Продовольственную программу
позабыли тебя включить.
— Накорми! Утоли собою!
И — пожалуйста! — напои...
А не то — рубаи завую,
новоявленный Навои!..
Что же ты ухмыляешься, злая,
вызывающе загрузив
мускулистые Гималаи
в заграничный прозрачный лиф!

НЕКСТАТИ О ПТИЧКАХ (1986)

На время забыть об общем, частности тронуть.
Залаять, увидев ворону в пушистом небе,
и постараться в предправедном гневе
именно в ней увидеть врага.

И не глядеть в ту сторону, где с когтистого трона
стаи ворон и воронов, так же, как эту ворону,
внушают небу: Кощей, в облаках упрятан,
и Баба-Яга.

Двугорбым горит Араратом
ревность моя к пернатым
Черна и бескрыла зависть —
ведь мне не достать, не доставить
на борт Ковчега
малой жижицы ила, почвы грядущих кочевий.
И не сконструировать в бункере кивера
мирное мне гнездо.

От начала тетрадной страницы и до
голубых гильотин в мастерской переплётной
я всё пел бы и пел, и друзьям перелётным
было б слаще мне сниться среди синевы.

Но сказано: «Жука клевала птица».
«Хорёк пил мозг из птичьей головы»...

Но птица Рух, таскавшая птенцам
заместо мух — из них воспитанных слонов...

Но Буревестник,
небесам кричащий о примате катастроф!..

Меня остановили эти «но»
и предписали частности забыть,
об общем вспоминая.

И вот: от чёрных крыл темно,
и морщит небо и знобит,
рябит в глазах всё та же злая стая
тьма клювов, и спасенья нет.

И воет бабища Ягая
и застит свет.

СКАЗКА (1985)

Ребёнок в доме — гость в доме.
Нар.мудр.

В сущности, это не сказка, а басенка,
правда, она без морали в конце.
Леночка Глинская вышла за Васеньку,
стала ходить при кольце.
Сам деловой был, работал начальником,
так что супругам неплохо жилось.
Вот и Ванюшка поспел уже маленький.
В доме ребёнок — что гость.
Гостю положено самое лучшее,
сладостей разных заморских — завал.
Мальчик растёт, помыкает игрушками.
Куклам — носы оборвал.
Кошку казнил — не царапай царапинки.
Столб повалил — потому что силён!
Старится маменька. Старится папенька...
Станет начальничком — он.

БИБЛЕЙСКИЙ СЮЖЕТ (1986)

Я, вроде, совсем здоров и кормлен, как на убой.
Но семьдесят тощих коров сон будоражат мой.

Семьдесят тощих коров, одна костлявей другой,
под собственный жалкий рёв проходят передо мной.

Им твёрже камней корма, пустыня — уют и приют.
За ними горы дерьма — пейзаж создают.

А далеко вдали, среди заливных лугов,
за круглотой земли — стадо тучных коров.

Млеко их — чистый мёд. Кличка им — легион.
Что ж ни одна нейдёт в мой повседневный сон?..

Одних лишь тощих коров я вижу перед собой,
хоть совершенно здоров и выкормлен — на убой.

1933 (1992)

Страна погибает, и чем мы прогневали Бога?
Газеты полны описаний и фото поджога.
Я в хронике видел преступника, как его, Люббе,
глаза сумасшедшие... Как полицейский с ним груб был...
Как жить теперь, ребе, и мы не смертельным ли креном
при новом рейхсканцлере к новым пойдём переменам?
Ещё поджигатели хоть не из наших, спасибо,
а то началось бы — упрёки, поклёп, перегибы...

ВОПРОСЫ К ПРАВЯЩИМ КЛАССАМ (1986)

Я не допускаю недоплаты в кассу,
не плююсь в окошко, пользуюсь платком.
И спрошу вас прямо, правящие классы:
разве не мечтали вы обо мне — таком!
Верю вашей «Правде» и «Труду» лихому,
«Би-би-си» глушил бы собственной рукой!
— Ну, скажите честно, что же мне — такому! —
памятник при жизни не светит?.. никакой?!..

*** (1986)

Вкусно мастера потчуют власти,
чтоб он кисточку верно держал,
чтоб перо поберёг от напасти
и крамольную ноту не брал.
Сыт поэт чечевичным обедом,
пьян прижизненной славою бард —
вот и ладушки! Снова победа
за тобой, боевой авангард.
Эта верность художника хлебу
и нескудно дающей руке
вознесёт его, может быть, к небу,
как пророка в гремящем возке.
В этом небе, где будничен праздник,
где красна не заря, а — звезда,
сколько их, нехороших и разных!
Что их гонит — похлёбка? беда?..

ДИАЛОГ, ПРЕРЫВАЕМЫЙ СТУКОМ (1988)

Ни дня без строчки — кто сказал?

Портной.

Ни дня без точки?

Ясно, что точильщик.

Ни дня без пачки?

Может быть, курильщик?

Нет, балерина.

Как! А в выходной?..

— Ни дня без вышки?

— Мастер буровой?

— Палач, дурак!.. Ни дня без почки?

— Фито-

патолог, что ли?

— Нет!

Хирург из ЦИТО.

В мадере почки жарит он порой...

Ни дня без качки?

— Нянька?

— Нет, матрос.

— А может, спец

по правовым наукам!..

(стук)

— Кто там стучится?

— Тоже мне — вопрос!

Стукач, конечно —

чтоб — ни дня без стука.

К ХОЗЯЕВАМ (1983)

Волки не мы, нас давно приручили.
Киньте нам палку — и мы понесём.
Врежьте нам палкой, чтоб лучше служили
мы и не взвизгнем, виляя хвостом.
Нет никого нам дороже и ближе.
Лейте помои — мы выпьем за квас.
Чем повернётесь к нам — то и полижем.
Только издохнете — взвоем по вас.
Если ж вас кто-нибудь матом обложит,
Мы зарычим, обнажая клыки.
дескать, хозяин не так ещё может,
скажет: Возьми! — разорвём на куски.
Скажет: К ноге! — мы опустим приклады.
Скажет: Тубо! — значит, всё хорошо.
Много не надо нам — косточке рады.
Ну, и к окладу б червончик *ишшо*.

КЛАССОВЫЙ ВРАГ (1981)

Мой классовый враг — гегемон гегемоном,
поллитру за милую душу он съест,
в дублёнке, пропитанной одеколоном,
попрёт на такси делегатом на съезд.
Он явится бодрый на эту малину,
и в зале, рыгнув, он поднимет мандат
за то, что народную жрёт осетрину —
бесплатно! и Главному — кореш и брат.
За то, что он свой безусловно и в доску,
за то, что он строить готов и крушить,
его отоварят в закрытом киоске —
ковром и селёдкой — даёшь дефицит!!..

Вот он — обеспечен икрой и салями,
увенчан кишкой туалетных бумаг.
Товарищи! Социализм перед нами!
Не слишком ли *развит* наш классовый враг?!

МЛАТ (1986)

*Так тяжкий млат,
Дробя стекло, куёт булат.*
А.Пушкин

Млат колотит вдребезги стекло,
горный и искусственный кристалл.
Радужное время истекло.
Острый век осколочный настал.
Млат ведет весёлую игру.
Что ему — осколков водопад!
Млат — мастак не только по стеклу.
Млат куёт другой такой же млат.
О моя прозрачная страна!
Зеркала, приборы, витражи...
Пред тобой молчания стена.
Прозвени! Хоть что-нибудь скажи.

ВЕДЬМИН МУЖ (1984)

Пока газеты шелестели, взывая к классовой войне,
летели светлые недели в арбатской лёгкой тишине,
бил в окна май зелёной масти, план перекрыв по листажу...
Мещанское, но всё же счастье зажгло, казалось, абажур.

Пока вполсилы миллионы ложатся в ров за рядом ряд,
горят Арбатом лампионы, а рукописи — не горят,
и в скучной суতোлке службы, между планёрок и речей,
единственный твой профиль нужный вставал из пепла чертежей.

Но пробил час нечистой силы, всплыло весомое дерьмо,
и чёрным вороном настигло меня безумное письмо.
О как прозрачен шифр твой детский: Я стала ведьмой. Не ищи».
Да как найдёшь тебя в советской полярной ночи и глуши!

Ни гром, ни ветер не ответят, где труп твой — сколько бы ни звал,
и даже дьявол не ответит за то, что правит этот бал.
Лишь пляшет мразь поганой стаей, круша сознаньем бытиё,
и всё живёт и побеждает афера вечная её.

МУЗЕЙ (1983)

(Из архива бывшего плохого, а теперь хорошего поэта)

Заходите, пожалуйста, это — дом поэта.

Д.Самойлов

Мемориал ещё закрыт: пока что я живу,
Пожалуйста, умерьте прыть, не лапайте вдову.
Ещё ремонта не было, из всех щелей сквозит.
Нет подходящей мебели: на даче реквизит.

В квартире грязь не убрана, гори она огнём.
И дерево не срублено над знаменитым пнём.
Тетрадки нет линованной для рукописных нужд
(в ней будет бред рифмованный, который массам чужд.)

В спецхране не пылится крамольный экспонат.
Убавьте скорбь на лицах: не мученик не свят.
Сперва дождитесь акции, чтоб я хотя бы сел.
Пока прогнозы так себе: завал подобных дел.

Как сладко вам поплачется в кругу моей родни,
когда, как всюду значитесь, за мной придут они.
Сквозь смрадное дыхание грядущих понятых
мне судорога заранее уродует поддых...

Вот-вот всё будет кончено. А вам пора бы знать,
в чьей лапе перепончатой музейная печать.
Пока что не зевайте, закупайте фимиам.
Когда здесь побываете — валяйте в филиал.

* * * (1983)

Постарел и в поликлинике
я дышу едва-едва.
Разучилась лира лирике,
только буквы да слова.
Только рифмы да созвучия...
А продуктами труда
я всё родственников мучаю,
да знакомых иногда.
В голове, как гнёзда галочки,
чёрной зависти комки.
Состязаться бы мне с Галичем,
да кишки, видать, тонки.
Прокричать обериутом бы!..
Нет же, старость, враг уму.
В лире струны перепутаны.
Где настройщика возьму?

* * * (1983)

Наверху идеологи видные
завершают идей торжество.
А народ — ровно девка на выданье:
Кто-то завтра потопчет его?
Кто возьмёт в рукавицы ежовые?
Кто по жопе легонько лягнет?
Кто метлой разухабится новой,
той, которая чисто метёт?..
И народ ровно девка потупился
и готов уже скинуть штаны.
Не робей, идеолог, получится!
Вновь в неволе размножимся мы.

ДЕЙСТВИЯ (1977)

Человек встал от стола.
Отложил авторучку.
Подумал с тоской про премию и получку.
Поинтересовался через стекло —
о чём стрекочут скворцы.
Вынул из ящика и пососал
зелёные леденцы.
Ногой пододвинул стул к столу.
Чихнул.
Постоял у дверей.
Радио выключил.
Взял авторучку.
И в пятой графе написал:
еврей.

СЫНЫ (1984)

Сеансы связи с Вашингтоном
помехами заглушены:
гудят по номерным конторам
России верные сыны!
Они не жнут тяжёлый колос,
не забивают звонкий гвоздь,
чтобы не врал нам вражий голос,
незванный агрессивный гость!
Сынов победные диоды
сродни штыку и топору.
Как ненавидят их шпионы
и резиденты ЦРУ!
Сыны им спутают все карты
и тех, чьи помыслы чисты,
спасут от грязной пропаганды
и оголтелой клеветы!..
Зато по запертым сортирам
Мои сограждане вольны
владеть очищенным эфиром
на частоте любой волны!

ПОСЛУШАНИЕ (1972)

Мне говорят: усомнись — доверчиво я сомневаюсь.

Мне говорят: ненавидь — я ненавижу любовно.

Надо ли мне ликовать — я безвозмездно ликую.

Надо скорбеть — посмотри: искренне я безутешен.

ЦИРК (1984)

Пора, пожалуй, в цирк, в программе наше время.
Приобретён билет по благу и в кредит.
И вот — угар фанфар клокочет по арене,
гремит мотоциклет и из вольер смердит.

Ещё летит манеж по замкнутой спирали,
сливаясь сам с собой и взлёт в зенит суля,
ещё медведи жмут на нужные педали
и празднично ревут, балдея у руля...

Но вот — уж не смешно от липкой оплеухи,
осточертел атлет с гирляндой ватных гирь,
и в ложу царскую уже слетелись мухи —
там, репетируя, кровоточит упырь...

Коня! Скорей коня! Полцирка — за Пегаса!
Сперва — хоть пару слов, а там — да будет свет!
Притихнет бенуар, и зрительская масса
шталмейстера сметёт и сменит худсовет.

Займут свои места патриции трапеций,
распределит жонглёр в пространстве семь шаров,
исчезнет вурдалак, оркестры грянут скерцо...
— Виват, прекрасный цирк в прекрасном из миров!..

Но как коварен маг! придурковат ковёрный!
Как публика мудра, где следует — смеясь!..
А мы — под куполом. В дверях торчит дозорный.
Он вырубает свет, и — кончен наш сеанс.

ПЕСЕНКА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ МАЛЬЧИКОВ (1987)

*Спрашивает мальчик: «Почему?»
А папаша режет ветчину.*

А.А. Галич

А у девочек банты и шапочки,
а у девочек мамы и папочки.
А у мальчиков — отчимы-мачехи.
Для чего только сделаны мальчики!

Для чего с ними цацкались сызмала,
Изнауряли касторкой и клизмами,
поучали: «Не надо печалиться»,
«будь здоров и спасибо-пожалуйста...»

Приносили по праздникам пряники,
притворялись, что нравится в пряталки.
По утрам приседали, как шизики,
репетиторов брали по физике.

То гоняли на сборы-собрания,
а теперь — как тельца: на заклание.
Не на горку библейскую с кущами,
а в ущелья, что за Гиндукушами.

Там давно уж освоили местные
топоры и приклады железные
и другие железные методы
против тех, кто суётся с советами...

Но под сенью матчасти ракетчики
свои брекфасты сдобрили кетчупом,
загрузили нефтяники Каспия
до отказа цистерны бокастые,

и уже наши славные соколы
по бетонке по взлётной процокали.
Ничего, что дождливо да пасмурно,
помашите рукой вашим пасынкам.

Им споют подсадные товарищи
и про пыль от сапог от шагающих,
и что Запад есть Запад, и мало им,
и что флаг пронесём незамаранным...

Пой, романтика, тропами Каина,
герметично в бессмертие впаяна.
Вот для этой — свинцовой — романтики
вы и сделаны, стало быть, мальчики.

ЭПОС И ПАФОС (1985)

Дан допинг спортсмену и кофе Бальзаку,
и зелье шаману, и водка Джек Лондону,
но радужный вздор дорогого дензнака
не дан моему вдохновенью холодному.

История сожрана эпосом ложным.
Растрочен весь пафос на склоки и жалобы.
Пегас мой замучен мочалом подножным.
Чья муза бы пела — моя помычала бы!

Конечно, я знаю, на что я надеюсь,
когда я тачаю безделки бесплатные.
Но Эпос и Пафос — как Фобос и Деймос —
то грянут из прессы, то канут, неладные.

Отставленным локтем встречаю опасность,
вминая коленку в ступеньку троллейбуса,
и прячу — до встреч с контролёрами — пафос.
Продолжим наш перечень: время для эпоса,

Дан Пушкин Дантесу и деньги Иуде,
отгружены яблоки Еве и Ньютону...
Да если б не знал я, как именно будет,
то чёрта ли мне развлекаться дебютами!..

Смирить бы гордыню горбатой гортани,
алтыну и тугрику не соразмерную!..
Но нет — я стартую. Швыряйтесь тортами.
Меня не исправить и высшею мерою.

НЕМНОГО О СЕБЕ (1986)

Ищу не славы. Не учу добру.
И не участник фестиваля рыжих.
А распевают разную муру
все сто томов моих сортирных книжек!
Мне дики и тождественно противны
обряды вер и фокусы властей.
Я не обрезан, не крещён и беспартийный.
Я сам себе Иус, сам Маркс и Моисей.

НАД ГОРОДОМ КИТАЙ

*** (1987)

Не искушал меня лукавый
змеевиком партаппарата,
ни легкой должностью легавой,
ни персональной зарплатой.
Я не дудел в чужие горны
и, духом с буквою согласный,
не наступал себе на горло,
не подавлял в себе соблазны.
Но в кресле жизненном удобно
расположился — созерцая.
И как же мне легко быть добрым,
добра и зла не совершая!

*** (1989)

Качусь по родной икебанае,
кругом пермяки да мордва.
огнями вечерними манит
меня Шереметьево-2.
Но в небо, а также по рельсам
не гонит пока что нужда,
не нужен мне берег еврейский,
Америка мне не нужна.
Хоть страшно, а всё ж не настолько,
чтоб выдернуть Паркину нить,
покуда гремит перестройка,
а гласность вопит и пьянит.
И что мне закон и суббота,
оклад и рабочая честь,
пока расцветает Свобода,
пока вседозволенность — есть!

А и Б (1987)

Сказавший А сказать затеял Б.
Он рот раскрыл. Он воздухом запаса.
Сейчас он грянет. Скептики в толпе —
и те затихли. Миг один остался.
Как просто было А произносить!
Решился, и зажмурился, и — гаркнул!..
— Ну, не скажи. А вышло бы насмарку —
в какие дали мог бы угодить!
Но Б трудней: Ещё раз: выдох, вдох,
губа губы вот-вот уже коснётся,
и звук взрывной над миром понесётся,
не слыханный в течение эпох...
 Безумное, безудержное Б!
 Бумажный бум! Бубенчик обихода!
 Бей в барабан обещанной свободы!
 Бушуй бессменно в будущей судьбе!..
Сказавший Б изменится в лице,
изобразив произнесенье звука.
Что ж будет дальше — В? а может, Ц?..
Пока не ясно. Вот такая штука.

КАРНАВАЛ (1987)

Карнавал стартовал!
Веселись, стар и мал!
Посмешнее напяливай маску!
Был дурак — стань болван,
был чердак — стань подвал...
Жизнь была? — а теперь будешь сказка.

Вот проходит добро в облачении зла
(ну, его-то узнать мы смогли бы!)
Джентльмены
с утра забивали козла.
А забив, опознали в нём рыбу...

Удивительный мир!
Что ни правда, то — миф,
что ни шутка, то — истина злая.
Только скроешь кумир, на другой заменив —
«Маска! — слышишь, — а я тебя знаю!»
Стала пешка ферзём,
«Спартаком» — «ЦСКА»,
притворяется червою пика.
Кто свистал соловьём,
тот пустил петуха,
златоуст оказался заика.

Карнавал! Карнавал!
Развлечений — завал.
Частный сектор раздула халтура.
Где-то лесоповал,
а у нас — карнавал!
Выше всяких похвал — режиссура.

Я без маски бреду. Я иллюзий лишён.
Я слоняюсь от края до края...
Кто в калашном ряду
с человечесьим лицом?
— Маска! Я тебя, кажется, знаю.

*** (1988)

«Товарищ, я прозы не в силах сдержать! —
поэт признавался поэту, —
"Московские новости" — в руки б не брать!
Любую бумажку, но эту...
Куда ни взглянуть, ни подумать о ком,
повсюду смердящие каки.
Как — ныне б сплеча махануть кулаком,
отмстить бы за всё — после драки!..
Теперь же не страшно: всеобщий галдёж
и даже не рвётся где тонко!
А хоть замели бы — не вдруг пропадёшь:
как раз — со свинцом напряжёнка.
Да будь я и лириком чистой слезы,
и то — запломбировав зубы —
я волком бы выгрыз советский язык
у тех, кто грешил им сугубо».

Так жили Поэты.
Товарищ и брат!
Последний парад наступает.
«Они в наших топках — уже не горят!..» —
короткие волны рыдают.

ДРУЖБА НАРОДОВ (1990)

Мы чуть ли ни всех побеждали в войне,
усы распушая и брови,
и дружба народов в Совдепии — не
прервется, скреплённая кровью.

Но нынче в империи полный бардак
и, вздыблен от края до края,
трясётся от злобы наш общий барак,
права человека качая.

И крест полумесяцу больше не брат,
и нет ни секунды на продых,
и нам навела вавилон баррикад
повальная дружба народов.

Она расцветает багровым цветком
на лицах участников встречи.
А где же милиция? Где же партком?
— Их нет. А иные далече.

Да! Дружба народов не знает чинов,
окладов, дипломов, сословий.
Она отличает своих от врагов —
по крови, по крови, ПО КРОВИ!

КАК Я НЕ РОДИЛСЯ (1990)

Маме сказали: ужасный кризис,
кто же в нём виноват?..

Выверни лампочку, посмотри — здесь
75 киловатт!

Маме сказали: не без оглядки
в урну бумажку суй,
а чтобы в стране было больше порядка —
вот, за кого голосуй!

Маме сказали, что без талонов
уже не добыть еды.

Маме сказали: не бойся масонов,
это же просто жида!

Маме сказали: превышены дозы
в несколько тысяч крат.

Маме сказали: кругом мафиози,
а фрукты — чистый нитрат.

Маме сказали: из-за границы
шлют нам всякую дрянь.

А по телевизору в 9.30
мамe сказали: Гдлян!..

Маме сказали: расслабьтесь телом,
к нам прибывает чёрт.

Маме сказали: ты что, сдурела?!
Завтра же на аборт!

НОЧЬ (июль 1991)

Ночь безводна, тиха, на трухлявой подстилке луна умирает, и «☾» (т.е. «Смерть») задышается в дыме. С выраженьем стиха матюгальник бубнит имена остановок. В подтексте — словесная заушь в пустыне.

Воздух неосязаем, но чёрен и явственно кисл.
В нём вчерне обустроен грядущего завтра мицеллий.
В предпоследнем трамвае везу предпоследнюю мысль непосредственно в сторону ей предназначенной цели.

Ночь тиха и легка, а живёт ожиданьем беды.
И, оттенки меняя, творит привиденья со вкусом.
Но совку из Совка в предвкушении новой метлы их скучны имена, и не радуется призрачный мусор.

Не обучен хотеть, я впадаю в родной негатив
(как в родной коллектив) и твержу в отрицаловке мудрой
сам с собой тет-а-тет и уже на знакомый мотив:
Ночь легка и летит, и она не чернее, чем утро.

АВГУСТ-91 (18-19 августа 1991)

Мясорубку заклинило — ныли «Реквием» Моцарта,
Созревала яичница под роман о Мегре.
И мазурики штатные сообщали про проценты
и про новое мышление в застарелом Кремле.

Президенты, как мальчики, то дружили, то ссорились.
Парвенозные новшества обживали эфир.
Я лелеял в блокнотике графоманскую скоропись
и цинично прихлёбывал бесполезный кефир.

А металл неподъёмен был, и не стоило пробовать.
Бард мяукал, что якобы занималась заря
(чем — хотелось бы выяснить), и в настырную проповедь
Я вникал безнаказанно и грешил втихаря.

А когда, дирижируя гениальным адажио,
Мэтр (не помню фамилию) всё сердцами владел,
Я в режиме анапеста рифмой текст унаваживал.
а к *staccato cantabile* неприлично храпел.

.....
После дня чёрно-белого, трёхпрограммного нытика,
зачерствела действительность, как вчерашний батон.
А заря, как безумная, занималась политикой.
и такой отвратительной, что об этом — потом.

НАД ГОРОДОМ КИТАЙ (1992)

Всё на продажу: пулемет, молитвенник и пицца.
Торговля остужает жар, весь мир окоченел.
А в музучилище — кому охота муз-учиться!
Под землю лабух сволочёт свою виолончель.

Чего, действительно, пилить задаром этот ящик!
Вон у него какой футляр, наполнишь — капитал!
И рвутся струны и смычок к работе настоящей:
стоять на каменном мосту над городом Китай.

Стоят над городом Китай старушки, выгнув спину,
сидит безногий инвалид и девушка с дитём...
Народищу — невпроворот, тут не чета Пекину!
И я б чего-нибудь толкнул, но не секу, почём.

*** (1992)

Эдуарду Шульману

Мне сказал писатель Ш.: «Что вы, Саша!
Жизнь ужасно хороша нынче наша.
Не смотрите, что жульё, что помойки,
будьте зеркалом её перестройки!
Не клеймите же её матюгами —
отразите житиё в амальгаме.»
Покраснел я до ушей от обиды:
что ли я какой Кощей недобитый?
Или я какой Зоил Ювеналыч...
И совсем я приуныл, глядя на ночь.
Ночь метался в простынях, пил микстуру,
а проснулся, всю поняв конъюнктуру.
Я-то думал: всё, хана, что же — вдаль нам?..
Оказалось — ни хрена: не летально.
Добрый доктор полечил нам саркому,
ну и где теперь ключи от парткома!
А руины, господа, да спецназы —
это ж просто ерунда, метастазы!
Над кроватью приколоч я картинку:
двухголовый триколор чешет к рынку,
попирая сапогом серп и молот,
запивая самогон пепси-колой.
Критикану-крикуну вырву глаз я.
Салтыкову-Щедрину — фиг без масла.
Я ему не корешок, чёрта в ступе!
Буду только хорошо. Как о трупе.

ГРЯДУЩИЙ КОШМАР (1992)

То, что радио пело, была пропаганда,
а реален пред нами развёрнутый ад.
Патриоты уже захватили Таганку.
Демократы оставили с боем Арбат.
Это вроде игры, анекдот про психушки,
когда целят в бетонное дно головой.
Разрывные снуют в переходе на Пушкине,
развалился Кузнецкий на грохот и вой.
Перевернутый Балчуг ломает колени.
Потолки, наклоняясь, роняют паркет.
По Остоженке мечутся мутные тени.
Это те или эти? Стрелять или нет?
Перебитым крестом потрясает Мефодий,
а Кирилл разворочен и каменно спит.
Но Калашников славный бессменно на взводе
и безданно-беспошлинным бизнесом сыт.
Привкус крови врага не солёный, а сладкий,
но сгорает рассвет на сигнальных огнях.
Неужели придётся повиснуть над схваткой,
синтетическим вервием выю обняв?

СМЕРТЬ СВЯТОГОРА (13-14 декабря 1993,
день выборов в ГД)

Святогор-богатырь был мужчина крутой,
но любил иногда пошутить.
В гроб однажды для смеху забрался в пустой
и велел себя крышкой накрыть.
Отдохнул и из смертного лезет жилья,
только крышку не сдвинуть никак.
Тут попутчик из Мурома взялся, Илья,
тоже, надо сказать, не слабак.
Он плечом, кулаком, он мечом-кладенцом...
Но внезапно застыл, поражён:
с каждым новым ударом железным кольцом
несбываемым гроб окружён.
Так погиб Святогор.

И никто не придёт,
и не жди никакого Илью,
когда шутит страна или целый народ
неумдрённую шутку свою.

*** (1993)

Так и живём, значит, сэр Джонатан.
Вроде бы, хиханьки, ан не до смеху.
Ни алтарей, чтоб подстать животам,
ни гуингмёнка — всё еху да еху.
Худо, не видите что ли, милорд.
Ходу б отсюда, да некуда смыться.
Видимо, всё это нам поделом.
Т.е. по делам — без резона и смысла.
Вправо ли, влево шагнёшь — полоса:
грань. А за гранью-то — сущие бяки!
Ладно б кололи с тупого конца —
только. Так нет же: они — многояки!
Моноконечник — нарциссом нарцисс.
Параконечники — голубоваты.
Тем — подавай самогон и сервиз,
эти — поют и лелеют стигматы...
Пятиконечникам снится партком,
Шестиконечникам — виза на выезд.
Порноконечница — вся босиком
(с шейки до пяток, и плюс ещё вырез).
Скороконечники красят кулич.
Сыроконечникам — сало кошерно...
Сэр Джонатан, Вы моя Глюмдальклич!
Немо моё Вы. Как там, у Жюль Верна:
Хлоп! — в «Наутилус» и — плюх! — в океан...
С Вами я, только меня поманите!
Тут же Лапута! Да нет, я не пьян,
вон, в облаках НЛО на магните...
А в фейерверках летающих рыб
плавает за морем праздничный остров,
там Робинзон до сих пор не погиб.
Вот, кто свободен — ни тупо-, ни остро-...
Коз диковатых загонит в кораль,
дату отметит зарубкой короткой.
Перемигнётся с судьбою-уродкой,
как для него потопившей корабль.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие — О.Постникова.....	3
БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР	
Январский вечер, но — почти весна.....	7
Шрифт включает Ё.....	8
БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР.....	9
Любитель зелёного и голубого.....	10
Трио для принтера.....	11
ПОХВАЛА АЛФАВИТУ.....	12
МОИ ОСЬМИНОГИ.....	13
МУЗЫКА.....	14
Он приходил домой, певец абсурда.....	15
ИЗ ПЕПЛА.....	16
В МЕТРО.....	17
ПРОРОК.....	18
ПАМЯТНИК.....	19
Вот я пишу. А ведь мог бы.....	20
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИРОПАТОЛОГИИ.....	21
ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК	
Птица голубь на фоне помойки.....	22
КОФЕЙНЫЙ АРОМАТ.....	23
ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК.....	24
НЕОБЪЯСНИМАЯ ДУША.....	25
Голос вопиющего в пустыне.....	26
ГАММА.....	27
ДУБЛЁРЫ.....	28
Катастрофически быстро старею.....	29
КНИГА ЧУДЕС.....	30
СТАНСЫ РОБИНЗОНУ.....	31
УЛИЧНОЕ.....	32
Но в конечном итоге.....	33
НОГА ЧЕЛОВЕКА.....	34
ЧТО ДЕЛАТЬ?.....	35
РАЗНУЗДАННЫЕ СТИХИ.....	36
НЕКСТАТИ О ПТИЧКАХ.....	37
ЭПОС И ПАФОС	
СКАЗКА.....	38
БИБЛЕЙСКИЙ СЮЖЕТ.....	39
1933.....	40

ВОПРОСЫ К ПРАВЯЩИМ КЛАССАМ.....	41
Вкусно мастера потчуют власти.....	42
ДИАЛОГ, ПРЕРЫВАЕМЫЙ СТУКОМ.....	43
К ХОЗЯЕВАМ.....	44
КЛАССОВЫЙ ВРАГ.....	45
МЛАТ.....	46
ВЕДЬМИН МУЖ.....	47
МУЗЕЙ.....	48
Постарел и в поликлинике.....	49
Наверху идеологи видные.....	50
ДЕЙСТВИЯ.....	51
СЫНЫ.....	52
ПОСЛУШАНИЕ.....	53
ЦИРК.....	54
ПЕСЕНКА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ МАЛЬЧИКОВ.....	55
ЭПОС И ПАФОС.....	57
НЕМНОГО О СЕБЕ.....	58
НАД ГОРОДОМ КИТАЙ	
Не искушал меня лукавый.....	59
Качусь по родной икебане.....	60
А и Б.....	61
КАРНАВАЛ.....	62
Товарищ, я прозы не в силах сдержать.....	63
ДРУЖБА НАРОДОВ.....	64
КАК Я НЕ РОДИЛСЯ.....	65
НОЧЬ.....	66
АВГУСТ-91.....	67
НАД ГОРОДОМ КИТАЙ.....	68
Мне сказал писатель Ш.....	69
ГРЯДУЩИЙ КОШМАР.....	70
СМЕРТЬ СВЯТОГОРА.....	71
Так и живём, значит, сэр Джонатан.....	72

Александр ВОЛОВИК

САМ СЕБЕ АВТОР

Стихи

Компьютерная вёрстка: Александр Воловик

Подписано в печать 02.07.2022.

Гарнитура Verdana. Бумага офсетная.
Печать трафаретная.

Тираж договорной
Текст публикуется в авторской редакции

Издательский Дом «Вручную»